

НАДЕЖДА СОКОЛОВА

ХРАНИТЕЛЬНИЦА
ПОКИНУТЫХ
ЗЕМЕЛЬ

Надежда Соколова Хранительница Покинутых земель

<https://litres.ru/74010851>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я - попаданка. Из менеджера стала владелицей разрушенного поместья и ветхой усадьбы. Теперь моя цель - выжить в холодном доме вместе с тремя слугами. Ну и не дать нечисти уничтожить нас. Ведь живем мы в самих Покинутых землях.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	27
Глава 3	45
Глава 4	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Надежда Соколова

Хранительница

Покинутых земель

Глава 1

Первый день лета выдался ясным и тёплым, будто сама природа благословляла нашу встречу. Солнце поднялось рано, и его лучи, ещё мягкие, нежаркие, залили двор золотистым светом. Я стояла на крыльце, щурясь от этого сияния, и чувствовала, как тепло проникает сквозь одежду, снимая утреннюю дрему. Воздух пах свежестью и цветущим разнотравьем — тем особенным, летним запахом, который бывает только в первый день июня. Птицы пели так звонко, что, казалось, лес звенел от их голосов, и даже старый ворон, сидевший на коньке крыши, притих, словно прислушиваясь. Мы готовились с вечера — Эльза собрала в дорогу еды, заворачивая пироги в льняные полотенца и перекладывая их листьями лопуха, чтобы не зачерствели. Тихоня проверила, всё ли взято: пересчитала фляги с водой, пощупала верёвки, запасные подковы, даже маленький походный котелок. Ирига наточила клинки — я слышала из своей комнаты мерный скрежет точильного камня, который длился почти до по-

луночи. Лукас, вампир-кузнец, вызвался сопровождать меня — сказал, что в степи бывал и дорогу знает. В его голосе, обычно ровном и спокойном, мне почудилась едва уловимая нотка тревоги, или, может быть, предвкушения.

— Вдвоём спокойнее? — спросила Ольгерра, собираясь в дорогу. Она затягивала подпругу на своей гнедой кобыле, и пальцы её двигались быстро, привычно.

— Именно так, — ответила я, и сама удивилась, насколько твёрдо прозвучал мой голос.

Мы выехали затемно, когда звёзды ещё не погасли, а луна висела низко над лесом — бледный, истончившийся серп, похожий на обломок старого меча. Я, Ольгерра, Иррига и Лукас — четверо всадников, которые держались вместе, хотя дорога была пустынной до самого горизонта. Лошади фыркали, выбивая копытами мелкие камешки, сбруя мягко позвякивала в тишине. Ехали не спеша, чтобы не утомить лошадей. Я то и дело проводила ладонью по шее своей кобылы — чувствовала под пальцами тёплую, чуть влажную кожу и мерный ритм её дыхания. Росистые луга сменялись перелесками, потом снова луга, и вот наконец вдаль показались знакомые очертания старого городища. Сердце моё ёкнуло — не от страха, а от того странного чувства, когда возвращаешься в место, где уже однажды пережил нечто важное.

— Приехали, — сказал Лукас, привставая на стременах. Полы его тёмного плаща колыхнулись на ветру, и я заметила, как он сощурился, всматриваясь в холм. Вампиры не любят

яркого солнца, но Лукас держался молодцом — широкополая шляпа и высокий воротник спасали его от прямых лучей.

Холм возвышался над степью, как старый страж, помнивший века. Те же развалины, та же высокая трава — серая от росы, ещё не просохшая, с жёсткими метёлками ковыля. Тот же ветер, доносящий запах полыни — горький, терпкий, настоянный на времени. Я вдохнула его полной грудью, и на миг мне показалось, что я слышу не только запах травы и сухой земли, но и что-то древнее, дремавшее в этих камнях. Но сегодня здесь было оживлённее. У подножия стояли две повозки с брезентовыми верхами — под ними кто-то возился, звякала посуда, слышались негромкие голоса. Несколько лошадей, привязанных к длинной верёвке, мирно щипали траву. Нас уже ждали.

Мы поднялись на холм. Трава шелестела под сапогами, местами доходила до колен, роняя на голенища холодные капли росы. Эдвин стоял у центральной башни — в светлой льняной рубашке, без плаща, с кристаллом на шее. Серебристый камень мерцал в утреннем свете, и я невольно задержала на нём взгляд: магия текла внутри него медленно, как смола, и что-то в этом движении казалось мне тревожным. Рядом — его неизменный телохранитель-оборотень, широкоплечий мужчина с внимательными глазами, стоявший чуть позади и бесшумно оглядывавший окрестности. И леди Элина, вампирша-советница, в строгом тёмно-зелёном платье, с гладко зачёсанными седыми волосами — она смотрела на

меня спокойно, без враждебности, даже с каким-то любопытством. Но сегодня к ним присоединились ещё двое: молодой маг в синей мантии, расшитой серебряными рунами — он то и дело поправлял рукав, на котором тускло светился защитный амулет. И женщина-человек в простом дорожном платье, с аккуратно уложенными русыми волосами, перехваченными кожаным шнурком. Она держалась скромно, но уверенно, с цепким взглядом бывалого лекаря.

— Арина, — Эдвин шагнул навстречу, протянул руку. Ладонь его была тёплой и крепкой, пальцы сомкнулись вокруг моих без лишней силы, но с той основательностью, которая всегда отличала его рукопожатия. — Рад тебя видеть.

— Эдвин, — я ответила на пожатие, и на миг наши взгляды встретились. В его глазах я прочла облегчение. Будто он до последнего не верил, что я приеду. — Я тоже.

Он представил спутников. Мага звали Игнациус, он был советником по древней магии — юноша с быстрыми, немного нервными движениями и вечно взлохмаченными бровями. Женщина-лекарь назвалась Верой — она улыбнулась мне мягко, но внимательно, и я заметила, как её взгляд скользнул по моему амулету, а затем по лицу, словно она уже мысленно проверяла моё здоровье. Из столицы, вызвалась помочь, если потребуется.

— Но я надеюсь, помощь не понадобится, — сказала Вера с мягкой улыбкой, и в её голосе прозвучала такая искренняя надежда, что мне стало теплее на душе.

Мы оставили лошадей у подножия — Иррига и Лукас вызвались присмотреть за ними. Иррига тут же принялась расседлывать, двигаясь быстро и бесшумно, как кошка. Лукас же просто встал рядом с лошадьми, положив руку на лук седла, и замер — я знала, что в таком положении он может простоять часами, не шелохнувшись, и услышит любой подозрительный звук за сотню шагов. Ольгерра пошла со мной, и Эдвин не возражал — лишь кивнул, признавая её право находиться рядом.

— Пойдём, — сказал он, разворачиваясь к башне. — Я покажу тебе, что мы нашли.

Внутри башни царил полумрак, прохладный и пахнущий сырým камнем и древней пылью. Свет проникал сквозь узкие бойницы, вытянутыми золотистыми полосами ложась на пол. В центре, на старом каменном столе, была развёрнута карта. Новая — я сразу узнала почерк имперских картографов: тонкие линии, чёткие обозначения, аккуратные подписи. Но поверх всего этого — чужая, живая разметка. Пометки углём, стрелки, красные кружки, обведённые с такой силой, что бумага в тех местах продавилась. Эдвин подвёл меня к ней, обвёл рукой места недавних нападений. Я следила за его пальцем и чувствовала, как внутри поднимается холодная тяжесть.

— Нежить активизировалась, — сказал он, и в голосе его прозвучала та же глухая тревога, что я слышала у Лукаса перед отъездом. — Три деревни за неделю. Люди гибнут, маги

не справляются. Мы должны действовать.

Я смотрела на карту, и перед глазами вставали лица. Не тех, кого я знала — просто лиц, выдуманых воображением. Крестьяне в серых рубахах, дети с перепачканными щеками, старики, которые не смогли убежать. В горле пересохло.

— Мы готовы, — ответила я и сама удивилась, как ровно прозвучал мой голос. — Мои люди строят вышки. Летиция разговаривает с лесом — она передала вчера, что старые дубы зашевелились, предупреждают о чём-то. Гномы укрепляют границу: поставили уже три новых заслона, клянутся, что любой упырь разобьёт башку о их камни.

— А мы собираем войско, — добавил он, чуть склонившись над картой. — Небольшое, мобильное. Маги, лучники, бойцы. Если начнётся, сможем быстро реагировать. Всадники перебросят отряд к любой точке за полдня.

Мы говорили долго. Я потеряла счёт времени, ориентируясь лишь по светлым полосам, медленно ползущим по каменному полу. О тактике, о стратегии, о том, как объединить усилия, чтобы нежить не прорвалась дальше. Эдвин слушал внимательно — я видела, как он хмурится, когда я говорю о слабых местах нашей обороны, и как разглаживается его лоб, когда речь заходит о недавно найденном артефакте в лесах. Он задавал вопросы — иногда колкие, иногда на удивление точные, предлагал свои варианты. Его советники записывали — перо мальчишки-мага скрипело по пергаменту, леди Элина чертила схемы тонкими, почти прозрачными пальца-

ми. Мои — Ольгерра и Иррига — то и дело вставляли замечания. Иррига, как всегда, была резка, но по делу, а Ольгерра говорила тихо, и все невольно замолкали, когда она начала свою речь.

К полудню у нас был готов примерный план. Не гладкий, не окончательный — такой, за который ещё предстояло биться и спорить. Но живой, настоящий. Эдвин обещал прислать подкрепление — воинов и магов, которые будут патрулировать границу вместе с нашими. Я обещала выставить лесных наблюдателей. Мы пожали руки ещё раз, и этот жест показался мне уже не просто формальностью, а скрепой.

Чтобы отпраздновать договорённости, устроили небольшой обед — прямо на траве, у подножия холма. Кто-то расстелил старое шерстяное одеяло, кто-то притащил низкий складной столик, какие берут с собой в дальние походы. Эльза собрала нам корзину с пирогами — с капустой, с яйцом и зелёным луком, с вяленным мясом, тонко нарезанным и пахнущим дымком. И бутылку кваса — тёмного, хлебного, с густой пеной. Эдвиновы повара тоже не ударили в грязь лицом: свежие овощи — молодые огурцы, похрустывающие на зубах, редиска с острым хвостиком, перья зелёного лука; сыр, белый, рассыпчатый, с прожилками тмина; хлеб, только что испечённый, с хрустящей корочкой, от которого на весь холм пошёл тёплый, уютный запах. Ели все вместе — имперцы и изгои, маги и воины, вампиры и люди. Сидели, поджав ноги, передавая друг другу корзины и миски, смеясь над шутками

Лукаса — оказалось, он умел быть забавным, когда хотел.

— Странно, — сказал Лукас, жуя пирог, и в его бледных глазах мелькнуло что-то похожее на удивление. — Ещё недавно мы друг друга опасались. А теперь — один стол.

— Мир меняется, — ответила леди Элина, отщипывая кусочек сыра. Она ела мало и неохотно, но я заметила, что она не отказалась, когда Ольгерра протянула ей краюху хлеба. — К лучшему.

Я сидела на траве, слушая разноголосицу голосов, и смотрела, как солнце клонится к западу. Ветер трепал волосы, пахло пирогами и полынью, и на миг мне показалось, что все тревоги остались где-то далеко, за горизонтом. Что можно просто сидеть здесь, среди этих людей — и совсем не важно, кто вампир, кто человек, кто изгой, кто имперец. Но амулет на моей груди мягко пульсировал, напоминая: покой этот — только затишье перед бурей. Я отрезала ещё кусок пирога и улыбнулась. Будь что будет. Сегодня у нас есть этот день.

После обеда Эдвин отозвал меня в сторону. Он сделал это так незаметно, что никто из сидящих на траве даже не обернулся — лишь Ольгерра проводила нас быстрым, цепким взглядом, но осталась на месте. Мы поднялись на башню по узкой каменной лестнице. Ступени, выщербленные временем, мягко пружинили под ногами — кое-где кладка просела, и приходилось ставить ногу осторожно. В щелях между камнями пробивался мох, тёмно-зелёный, бархатистый на ощупь. Где-то в глубине башни ворковал голубь, и его тихое

«угу-угу» разносилось под сводами причудливым эхом.

Наверху открывался вид на степь — бескрайнюю, золотистую, уходящую к горизонту. Солнце уже миновало зенит и теперь висело на юго-западе, роняя длинные тени от развалин. Трава на холме шелестела под ветром — не порывистым, а ровным, степным, который дул всегда с одной стороны, пригибая ковыль и заставляя его серебристые метёлки струиться, как вода. Где-то далеко, почти на грани видимости, темнела полоска леса — той самой чащи, где была моя усадьба. Отсюда, с высоты, она казалась игрушечной, нарисованной на горизонте чьей-то осторожной рукой. Птицы — коршуны или сапсаны — описывали круги в вышине, изредка пронзительно вскрикивая. Их крики падали вниз тонкими серебряными иглами.

— Арина, — начал он, и в голосе его не было прежней лёгкости, той тёплой непринуждённости, с какой он шутил за обедом. Теперь его голос звучал глубже, тяжелее, будто каждое слово давалось с усилием. Он стоял у зубца стены, опершись локтями на камень, и смотрел вдаль, не на меня. Ветер трепал его светлые волосы, и я заметила, как нервно он сжимает пальцы — сцепляет и размыкает их на шершавом камне. — Я хочу тебя кое о чём спросить.

— Спрашивай. Я прислонилась спиной к тёплому камню, сложив руки на груди. Сердце билось ровно, но внутри заворочалось что-то — не страх, а скорее напряжённое ожидание. Эдвин редко говорил таким тоном. Обычно он был са-

ма уверенность, но сейчас в его фигуре сквозила усталость, которую он старательно прятал за широкими плечами.

— Ты боишься? — Он наконец повернулся ко мне, и я увидела его лицо — спокойное, но с глубокой тенью под глазами, будто он не спал не одну ночь. — Того, что грядёт?

Я задумалась. Вопрос повис в воздухе, и ветер, казалось, притих, словно тоже ждал ответа. Я смотрела на степь, на бесконечное море травы, где в любую минуту могла показаться вражеская рать — или нечто похуже. Вспомнила пепелища сожжённых деревень, о которых он говорил утром. Вспомнила крики, которые мне доводилось слышать в прежние годы — предсмертные, рвущие душу. Но золото внутри пульсировало ровно, спокойно, и этот ритм успокаивал, как материнское сердцебиение.

— Нет, — ответила я, и в голосе моём не дрогнуло ни единой ноты. — Потому что я не одна.

Это было правдой. Самой простой и самой полной правдой, какую я когда-либо произносила. За моей спиной стояли Ольгерра с её вековой мудростью, Иррига с её острыми клинками, Лукас с его умелыми руками, Летиция, которая говорила с деревьями, Эльза, Тихоня, Лина — да что там, целый лес, целый народ изгоев, которым я стала домом. Одна я боялась бы до дрожи. Но не одна.

Он посмотрел на меня долгим, тёплым взглядом. В его серых глазах зажглось что-то — то ли облегчение, то ли благодарность, то ли что-то ещё, чему я не решалась дать имя. Зо-

лотистые искры в глубине зрачков вспыхнули ярче. Он медленно кивнул, разжал побелевшие пальцы и провёл ладонью по лицу, будто стирая усталость.

— И я не один. — Его голос сел на полтона, и он прочистил горло. — Спасибо тебе.

— За что? — Я искренне не поняла. Я ничего не сделала — только приехала на встречу, как обещала.

— За то, что ты есть.

Эти слова упали между нами, как камень в тихий омут. Они расходились кругами, заставляя замолчать даже ветер. Я не знала, что ответить, и потому просто кивнула, принимая их как дар. Мы постояли ещё немного, глядя на степь, на небо, на птиц, кружащих в вышине. Коршун что-то высматривал в траве — может, мышь, может, змею. Солнце опустилось ещё ниже, и тени от развалин вытянулись, став почти чёрными. Где-то внизу засмеялась Вера-лекарь, и смех её прозвучал так обыденно, так мирно, будто не было ни Тьмы, ни грядущей войны. Я запомнила этот смех. Потом, в холодные ночи, он будет мне вспоминаться.

Мы спустились вниз, где нас ждали.

К вечеру мы распрощались. Солнце уже коснулось края земли, окрасив небо в густые багряные тона — медь, киноварь, фиолетовые подтёки у самого горизонта. Трава казалась чёрной, а камни развалин — тёплыми, розовыми, будто они всё ещё хранили тепло ушедшего дня. Эдвин уезжал в столицу — собирать войско. Его люди уже седлали лошадей:

молодой маг Игнациус нервно перетягивал подпругу, леди Элина тихо отдавала распоряжения, а телохранитель-оборотень молча проверял оружие. Я — в усадьбу — готовиться к обороне.

— До встречи, Арина, — сказал он, помогая мне сесть на лошадь.

Его рука задержалась на моём локте на секунду дольше, чем требовала вежливость, и сквозь ткань рукава я почувствовала тепло его пальцев. Он смотрел снизу вверх, и в этом взгляде было что-то от прежнего Эдвина — уверенного, сильного, но вместе с тем — уязвимого, как человек, который слишком много раз прощался и не был уверен, что снова увидится.

— До встречи, Эдвин. — Я натянула поводья, и кобыла, чуя мой настрой, нетерпеливо переступила копытами.

Мы разъехались — они в столицу, мы в свои леса. Я оглянулась через плечо: Эдвин стоял на холме, тёмный силуэт на фоне закатного неба, и смотрел нам вслед. Потом его заслонила складка местности, и я отвернулась, чувствуя, как в груди разрастается странная пустота. Дорога назад была долгой, в сумерках, когда небо стремительно темнело, а первые звёзды проступали одна за другой, как серебряные булавки на синем бархате. Луна ещё не взошла, и мы ехали почти в полной темноте — только слабый свет от моего амулета да чутьё лошадей помогали держаться тропы. Где-то слева ухнул филин, где-то справа зашуршало в кустах — но это бы-

ли свои звуки, лесные, не пугающие. Лошади шли бодро, и никто не жаловался — ни Иррига, которая вела свою кобылу молча, ни Лукас, чьи глаза вампира в темноте видели лучше любого факела, ни Ольгерра, которая ехала рядом и изредка касалась моего плеча — мол, я здесь, не волнуйся.

В усадьбу въехали затемно. Ворота были отворены, и на пороге нас встретили фонариками — Эльза держала один, Тихоня другой, а Лина, маленькая, вертлявая, прыгала вокруг с горящей лучиной, чуть не подпалив мне плащ. Радостные крики — «Вернулись!», «Живы!», «Слава богам!» — смешались с лошадиным фырканьем и звоном сбруи. От дома пахло горячей печью — Эльза, не дожидаясь, истопила её, чтобы согреть нам ужин. Я слезла с лошади, и у меня подкосились ноги — только сейчас, на месте, я поняла, как устала за день. Мышцы ныли от долгого сидения в седле, спина затекла, но внутри было тепло и спокойно.

— Есть хотите? — спросила Эльза, принимая поводья. В её голосе слышалась тревога, которую она старалась скрыть за деловитостью.

— Да, — ответили мы все почти хором.

Нас встретили фонариками, радостными криками и горячим ужином. Эльза уже топила печь, Тихоня стелила постели — я слышала, как она ходит по коридору, шурша свежими простынями. Лина бегала вокруг, заглядывая в глаза: ну как, ну как?

— Всё хорошо, — сказала я, присаживаясь на лавку у сто-

ла. Сняла плащ, и сразу стало легче, будто с плеч упала не только верхняя одежда, но и часть тяжести. — Мы договорились.

— А война будет? — спросила девочка серьёзно. Она стояла напротив, скрестив руки на груди — точь-в-точь как её мать в минуты раздумий. В глазах её, тёмных и блестящих, я видела не детское любопытство, а настоящую, взрослую потребность знать правду, какой бы горькой она ни была.

— Будет, — ответила я честно. Не стала смягчать, не стала врать. Она заслуживала правды. — Но мы готовы.

Лина кивнула — медленно, как будто взвешивая мои слова. Потом развернулась и убежала помогать матери, оставив меня наедине с кружкой горячего травяного отвара (Эльза успела заварить, пока мы мыли руки). Я сидела на крыльце, глядя на звёзды. Они были крупными, яркими — так бывает только вдали от городов, когда ничто не мешает их свету. Лес шумел, но тихо, мирно. Где-то в его глубине светились огоньки — те самые, что я замечала и раньше. Блуждающие? Духи? А может, просто светлячки, которых я принимала за нечто большее. Но сегодня мне почему-то казалось, что это лесной народ — тот самый, о котором говорили старые легенды, — зажигает свои костры, готовясь к чему-то. Я вздохнула, поднялась со своего места и отправилась спать.

Утро после возвращения выдалось пасмурным, но тёплым. Небо затянуло лёгкими облаками — не дождевыми, а высокими, перистыми, похожими на клочья старой ваты.

Они плыли медленно, и сквозь них пробивался молочный свет, почти не отбрасывающий теней. Ветер доносил запах мокрой травы — ночью прошёл небольшой дождь, и земля ещё не просохла, блестела тёмными лужицами, в которых отражалось серое небо. Я сидела на крыльце с кружкой чая — крепкого, с мятой и душицей, который заварила Эльза, — и смотрела, как Летиция переговаривается со своим дубом. Она стояла у его корней, положив ладонь на шершавую кору, и тихо шептала что-то — то ли просьбу, то ли молитву. Древесные листья чуть дрожали в ответ, хотя ветра почти не было. В такие моменты я особенно остро чувствовала, насколько мы связаны с этим лесом — не просто как жильцы, а как часть его, живая и дышащая. Золото в груди пульсировало в такт каким-то далёким, неслышимым ритмам — может быть, самого леса, может быть, земли под ногами.

Я как раз отхлебнула чай, когда краем глаза заметила движение на опушке. Сначала я подумала, что мне показалось — тень, облако, ветка качнулась. Но нет. Кто-то стоял у границы леса. Высокий, мохнатый, сгорбленный — тот самый страж, что приходил к нам зимой. Теперь он казался ещё массивнее — может, из-за того, что стоял неподвижно, как каменное изваяние, а может, за зиму он и вправду вырос. Шерсть его была влажной от утренней росы, и в пасмурном свете она отливала тёмным серебром. Глаз я не видел — только два слабых огонька на уровне моей головы, хотя он сам был почти в два раза выше. Он ждал. Он не пересту-

пал невидимой черты, которую однажды обозначила Ольгерра своими барьерами.

— Хозяйка, — раздался его голос, низкий, раскатистый, как дальний гром, что катится по небу за много лиг отсюда. Этот голос заставлял воздух в груди вибрировать — я чувствовала это всем телом. Незнакомец склонил голову — медленно, торжественно, как кланяются монарху. — Позволишь подойти?

— Подходи, — ответила я, и Ольгерра, стоявшая в дверях с неизменным луком в руках, разомкнула барьер. Я услышала, как воздух тихо «чвакнул», выпуская магию, — звук, похожий на вздох.

Существо ступило на землю усадьбы, и я смогла рассмотреть его получше. Оно было ещё выше, чем в прошлый раз — добрых три метра, не меньше, с широкими, покатыми плечами и длинными руками, почти достающими до земли, когда он шёл. Он двигался бесшумно, несмотря на свой рост, — мягко ступал по мокрой траве, и та даже не приминалась под его ногами. Шерсть отливала серебром на свету — или это был не свет, а слабое собственное свечение, исходящее от каждого волоска? Глаза — янтарные, с вертикальными зрачками, как у кошки или ночной хищницы, — смотрели внимательно и чуть печально. В этих глазах была вековая мудрость, тоска по чему-то давно утерянному и вместе с тем — надежда. От него пахло лесом — но не просто лесом, а его самой сердцевиной, где не ступала нога человека: грибами,

гниющим валежником, сырой землёй, хвоей и чем-то ещё, неуловимым, древним.

— Я пришёл не с пустыми руками, — сказал лесной страж, протягивая мне узелок из бересты. Ладонь его была огромной, с длинными пальцами, заканчивавшимися тупыми, но, без сомнения, острыми когтями — но он протягивал дар бережно, почти нежно, как мать — младенца. — Лес послал. Для тебя.

Я взяла узелок — он был тёплым, словно только что снятым с тела, и очень лёгким. Кора бересты была искусно сплетена, без единого шва — словно выросла такой, готовой. Я развернула его. Внутри лежали травы — незнакомые мне, с яркими, почти светящимися цветами: одни были синими, как полночное небо, другие — алыми, как капли крови на снегу. От них исходил сладковатый, чуть терпкий запах, от которого слегка кружилась голова. Рядом лежали несколько свёртков с чем-то твёрдым, похожим на коренья — они были тёмно-коричневыми, морщинистыми, словно высохшие морщинистые руки древних старух, но на ощупь — упругими, полными сока.

— Это для защиты, — пояснил страж, и голос его стал тише, словно он боялся спугнуть магию. — И для единения. Ты Хозяйка, тебе положено.

— Спасибо, — сказала я, передавая узелок Летиции, которая уже подбежала с сияющими глазами. Дриада приняла дар трепетно, почти благоговейно, прижала к груди и тут же

принялась изучать содержимое, шепча что-то на языке дриад — быстром, певучем, похожем на журчание лесного ручья. Она втягивала носом запахи, касалась кончиками пальцев каждого цветка, каждого корня, и я видела, как её лицо озаряется узнаванием — она знала эти травы, знала их силу.

Лесной страж тем временем выпрямился во весь рост — я задрала голову, чтобы видеть его лицо. Он смотрел не на меня, а куда-то вдаль, на лес, откуда пришёл. Потом его янтарные глаза снова обратились ко мне.

— Лес говорит, — продолжил он, и в голосе его проступила металлическая нотка, — что Тьма готовится. Она не спит, она ждёт. — Он помолчал, и я услышала, как у него внутри что-то глухо щёлкнуло — может, суставы, а может, голосовые связки, устроенные не так, как у людей. — Но мы готовы. Звери, птицы, духи — все, кто живёт в лесу. Мы будем охранять границы. Если придёт беда — позови, и мы придём.

— Как мне вас звать? — спросила я. Голос мой прозвучал тише, чем хотелось бы, но в нём не было страха — только уважение и желание понять.

— Мы — лесной народ, — ответил он. — Имя у каждого своё, но для тебя мы просто верные. Ты наша Хозяйка, мы твои руки в чаше.

Он помолчал. В тишине, наступившей после его слов, было слышно, как где-то в кустах звенит кузнечик — надрывно, монотонно, будто отсчитывая секунды до чего-то неизбеж-

ного. Страж опустил янтарные глаза, и вертикальные зрачки его сузились — то ли от света, то ли от внутреннего напряжения. Из груди его вырвался низкий, горловой звук — не то вздох, не то стон, такой глубокий, что я ощутила вибрацию в костях.

— Там, в глубине, ещё много тех, кто хочет присоединиться. — Голос его стал тише, но от этого только весомее, будто каждое слово давило на плечи. — Люди, эльфы, гномы — те, кто прятался и ждал. Ждали тебя. Теперь они знают, что Хозяйка вернулась, и идут.

Сердце моё пропустило удар. Я смотрела на лесного стража, пытаюсь осмыслить услышанное, но мысли разбегались, как муравьи из разорённого муравейника. Люди, эльфы, гномы — те, кто прятался... Значит, не только изгои, которых я собрала под свою руку, не только те, кто пришёл ко мне за последние годы. Были и другие — те, кто затаился в лесах и пещерах, в заброшенных деревнях и среди руин, боясь высунуть голову. Они ждали. Ждали знака. И теперь, когда пророчество начало сбываться, они потянулись к свету.

— Сколько их? — спросила я, и голос мой прозвучал хрипло — в горле пересохло, будто я глотала пыль.

— Не знаю, — страж покачал головой. Движение это было медленным, тяжёлым, как качание векового дуба на ветру. Шерсть на его загривке вздыбилась и опала — возможно, это означало неуверенность или сожаление. — Но будет много. Готовься.

Простое слово. Короткое. А в нём — и приказ, и предупреждение, и забота одновременно. Я кивнула, хотя не была уверена, что он ещё видит мой жест — солнце уже почти скрылось за кронами, и двор погружался в синеватые сумерки.

После этих слов он поклонился — ещё ниже, чем в прошлый раз, так что длинные мохнатые руки коснулись земли. Я услышала, как мягко вздохнула трава под его пальцами. Потом он развернулся и зашагал к лесу — не спеша, но с каждым шагом становясь всё прозрачнее, будто его тело ткалось из теней. Вот ещё можно было различить массивные плечи, вот — только силуэт, вот — движение среди стволов, и наконец он растворился между деревьями, не оставив после себя ничего, кроме лёгкого запаха влажной коры и осенних грибов. Даже ветки не хрустнули под его ногами.

Я стояла на крыльце, глядя ему вслед, и думала. Ладонь, сжимающая косяк, побелела от напряжения. Ещё одна весть. Ещё одно подтверждение, что пророчество сбывается. Лесной народ встал на нашу сторону — не просто не против нас, а с нами, плечом к плечу, лапой к руке. И это было намного сильнее, чем любой магический барьер, потому что барьер можно пробить, а живой лес — нет. Лес помнит, лес дышит, лес защищает своих.

Я думала о тех, кто идёт. О людях, которые потеряли дома и теперь бредут к нам, надеясь найти кров и защиту. Об эльфах, чьи уши, наверное, всё ещё помнят пение древних

лесов, а глаза — свет звёзд над Аннором. О гномах, чьи руки тоскуют по молоту и наковальне, чьи бороды посеклись в скитаниях. Они прятались. Ждали. И теперь шли ко мне. Ко мне, которую пророчество назвало Хозяйкой леса. Внутри что-то сжалось — не от страха, а от непривычной тяжести. Я не просила об этом даре, но отказываться было поздно.

— Хозяйка, — ко мне подошла Ольгерра. Я не слышала её шагов — как всегда, бесшумна, как тень. Она встала чуть позади, и я почувствовала тепло её тела — единственное тепло, которое старуха-оборотень излучала в холодные вечера. — Он прав. Движение есть. Я чувствую — к нам идут. Много.

Я повернулась к ней. В сгущающихся сумерках её лицо казалось вырезанным из старого дерева — морщины, глубокие глазницы, седые пряди, выбившиеся из-под платка. Но глаза — молодые, острые, волчьи — светились внутренним огнём.

— Что думаешь? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— Что нужно готовить места. — Ольгерра перевела взгляд на лес, и я заметила, как её ноздри раздуваются — она принюхивалась к ветру, читала запахи, которые мне были неведомы. — И еду. И защиту. Они идут не все с миром в душе. Некоторые несли свою ношу так долго, что озлобились. Нужно будет и их принять, и тех, кто с ними рядом, уберечь от их же гнева.

— И людей, — добавила я, понимая, что она имеет в виду не только пришельцев, но и нас самих. Людей, которые

возьмут на себя заботу о чужаках, которые будут делить последний кусок хлеба.

Ольгерра кивнула — коротко, жёстко. В этом кивке было больше смысла, чем в иных речах. И я решила отправить вестника Эдвину, сообщить ему о словах лесного народа. Не потому, что боялась — а потому, что мы договорились действовать вместе. Союз, скреплённый не бумагой, а словом и кровью, требовал доверия. Я нащупала в кармане маленький кожаный мешочек с вестниковой магией — Эдвин дал мне его при расставании, на случай важных вестей. Сейчас был как раз такой случай.

Вечером мы собрали совет. Солнце давно село, и в большой комнате — той самой, где когда-то стоял пустой стол, а теперь всегда кипела жизнь — зажгли свечи. Их было много: восковые, сальные, даже несколько магических светлячков в стеклянных банках, которые подарила Летиция. Свет их был неровным, пляшущим, он выхватывал из темноты лица, бросал тени на стены, превращая обычный совет в нечто почти торжественное и тревожное одновременно.

Вечером мы собрали совет. Гномы предложили расширить мастерскую — слишком много народу, всех не разместить. Эльза вздыхала по поводу припасов. Альва вызвалась координировать переселение.

— Мы справимся, — сказал Астор. — Не впервой.

Лес за опушкой шумел. Я прислушалась — этот шум теперь не пугал, а успокаивал. Листья шелестели, ветки скри-

пели, где-то ухнула сова — и в этом хаосе звуков я научилась слышать порядок. Лесной народ был с нами. Не просто соседями — союзниками. И это значило, что Тьма не пройдёт.

По крайней мере, сегодня я могла верить в это твёрдо.

Совет закончился далеко за полночь. Расходились по одному, по двое, унося с собой свечи и тревоги. Я осталась сидеть у остывающего очага, глядя, как догорают последние угли. В голове крутились цифры: сколько мест, сколько хлеба, сколько рук. Но сквозь них пробивалось другое — тёплое, живое чувство. Мы не одни. Лес с нами. Идущие — не враги, а те, кто искал нас так же долго, как мы искали их.

Я взяла перо, чистый лист пергамента и начала писать Эдвину:

«Лесной народ подтвердил: к нам идут люди, эльфы и гномы — те, кто прятался. Много. Прошу помощи — не столько мечом, сколько зерном и тканями. Наши земли становятся пристанищем. Тьма отступает, но сначала мы должны накормить и обогреть тех, кто пришёл к свету».

Вестник улетел в темноту, растворился среди звёзд. Я стояла на пороге, провожая его взглядом, и думала о том, что пророчество сбывается не так, как я себе представляла. Не громом и молнией, не битвами и пожарами. А тихим, настойчивым течением — людей, идущих к надежде.

Лес шумел. И теперь я знала — это не просто шум. Это обещание.

Глава 2

На следующий день мы занялись подготовкой к нашему совместному будущему. Солнце только-только поднялось из-за леса, и первые его лучи — робкие, золотисто-розовые — пробились сквозь туман, что стелился над поляной. Роса на траве блестела так ярко, что глазам было больно, и каждый листок, каждая травинка отбрасывала длинную, чёткую тень. Воздух пах свежестью, мокрой корой и чем-то ещё — предвкушением, что ли? Будто сама земля радовалась нашим сборам.

Гномы уже расширяли мастерскую. Я слышала мерный стук молотков и визг пил, доносившиеся из-за дома. Они работали с той основательной неторопливостью, что отличает их расу — каждый удар приходился точно в цель, каждое движение было выверено веками мастерства. Пот с них лил градом, но они только утирали лица рукавами да покряхтывали довольно — гномья работа всегда была им в радость. Я заметила, как один из них то и дело поглядывал в сторону леса — будто ждал, что оттуда появится кто-то из лесного народа с новой порцией брёвен.

Эльфийки сушили травы. Они разложили на холщовых полотнищах всё то, что принёс лесной страж, а также свои собственные сборы. Пучки мяты, зверобоя, душицы и каких-то незнакомых мне серебристых растений лежали ров-

ными рядами и пахли так сильно, что кружилась голова. Альва водила над ними руками, шепча что-то на своём языке — древнем, шелестящем, как листва под дождём. Она «спрашивала» у трав, готовы ли они отдать свою силу, и травы отвечали ей лёгким свечением, которое было видно даже при ярком солнце.

Оборотни проверяли оружие. Я слышала лязг клинков с заднего двора — там, где было подобие плаца. Они водили мечами по точильным камням, проверяли тетиву луков, взвешивали на ладони метательные ножи. Движения их были неторопливыми, почти ленивыми, но в каждом жесте чувствовалась сила, способная разорвать врага в клочья.

Я сидела в библиотеке с Ирэн, разбирала новые книги. Ирэн перебирала их одну за другой, раскладывая по темам: магия растений, военное дело, древние пророчества, карты. Я остановилась на одной — «О природе Тьмы и способах защиты от неё», — но едва успела раскрыть, как над усадьбой вспыхнул знакомый голубой свет.

Магвестник — на этот раз небольшой, быстрый, похожий на ласточку. Он появился ниоткуда — просто сгусток магии, сотканный из небесной синевы и солнечного блеска. Секунду он парил под потолком, трепеща полупрозрачными крыльями, а потом спикировал к окну, рассыпался в воздухе с тихим звоном, напоминающим удар хрустального колокольчика, и оставил в моих руках увесистый свиток. Пергамент был плотным, дорогим, с золотым обрезом. Имперская пе-

чать — двуглавый орёл, держащий в когтях молнию и солнце, — висела на шёлковом шнурке. Изящный вензель Эдвина украшал обратную сторону, и я на миг задержала пальцы на этих завитках — в них чувствовалась твёрдая, уверенная рука.

«Арина, спасибо за весть. Лес на вашей стороне — это меняет всё. Мы тоже готовимся. К вечеру ждите первый обоз. Эдвин».

Я перечитала дважды, впитывая каждое слово. «Лес на вашей стороне — это меняет всё» — он понял. Сразу, без лишних объяснений. Я почувствовала, как внутри разливается тепло — не магическое, а человеческое, благодарное.

— Первый обоз? — переспросила Ирэн, заглядывая мне через плечо. Её глаза округлились от удивления. Она была из тех людей, кто не привык к щедрости имперцев — слишком много слышала о жестокости к изгоям.

— Видимо, не последний, — ответила я, сворачивая свиток и пряча его в рукав. Сердце билось ровно, но внутри поднималась волна деловитого возбуждения. Нужно было готовиться к встрече.

К вечеру, когда солнце уже клонилось к закату, на дороге показали телеги. Я стояла у ворот вместе с Ольгеррой и Астором, щурясь от косых лучей — они были багряными, густыми, как тёплая кровь. Небо над лесом полыхало оранжевым и лиловым, и в этом свете даже обычная пыльная дорога казалась сказочной, ведущей в иные миры. Две теле-

ги, гружёные под завязку, медленно, но уверенно катились к нам. Колёса скрипели, лошади фыркали, покрикивал возница. Сопровождение — десяток всадников в лёгких доспехах, с арбалетами у седел, и двое магов в тёмно-синих мантиях, чьи посохи слабо светились в сумерках. Они ехали рассыпным строем, привычно оглядывая лес по сторонам — имперская выучка чувствовалась в каждом движении. Лошади, уставшие, но бодрые — я заметила, как тяжело дышат их бока и как пот застыл на крупах, — цокали копытами по каменной дороге. Камни звонко отзывались, и этот звук гулко разносился по округе, вспугивая птиц.

Возница — знакомый сержант из прошлого обоза — спрыгнул на землю, крякнув от напряжения, и тут же поклонился, прижав руку к груди. Я узнала его: широкое лицо, рыжие усы, веснушки на носу. Тогда, в первый раз, он смотрел на нас с опаской, даже с подозрением — чужаки, изгои. Теперь в его глазах я видела спокойствие и даже что-то вроде уважения. Война меняет людей, но она же и сближает.

— Хозяйка, — сказал он, и голос его звучал устало, но довольно, — его высочество шлюет привет и это. — Он махнул рукой на телеги, и я заметила, как мозолистая ладонь его блестит от пота. — Припасы, инструменты, оружие. Говорят, война близко, надо готовиться.

Мы приняли подарки. Всё было так, как обещал Эдвин — и даже больше. Мешки с мукой — белой, мелкого помола, пахнущей свежемолотым зерном. Крупа — гречка, ов-

сянка, пшено — в плотных мешочках, перетянутых бечёвкой. Соль — крупная, серая, в бочонке из дубовых клёпок. Сахар — редкость по нынешним временам — в берестяных туесках, жёлто-коричневый, с крупными кристаллами, от которых сразу начинало сосать под ложечкой. Вяленое мясо — тёмные полосы, натёртые специями и чесноком, свёрнутые в тугие рулоны. Ящики с инструментами: топоры с новыми топорищами, пилы с мелкими, острыми зубьями, молотки, гвозди, скобы — всё, что нужно для стройки и обороны. Свёртки с тёплыми одеялами — шерстяными, грубыми, но тёплыми, как материнское объятие. Плащи — серые, защитного цвета, на меховой подкладке. Сапоги — на толстой подошве, с подковками, чтобы не скользили на мокрой траве. И несколько бочек с вином — лёгким, фруктовым, для праздника, как пояснил сержант, хитро подмигнув.

— И ещё, — он достал из-за пазухи небольшую шкатулку, отделанную серебром. Древесина была тёмной, старой, но серебряные узоры — листья и виноградные лозы — сверкали как новые. Он протянул её обеими руками, с почтением, словно это был не просто подарок, а нечто священное. — Его высочество просил передать лично в руки.

Я открыла. Крышка мягко щёлкнула, открывая взгляду алый бархат внутренней обивки. В центре лежал амулет — золотой, с крупным янтарём в центре, на толстой цепи. Золото было матовым, древним, с едва заметными рунами, которые слабо светились в вечерних сумерках. Янтарь — тёп-

лый, медовый, с застывшим внутри крошечным листочком — пульсировал мягким, живым светом. Я взяла его в руки, и он тут же потяжелел — не физически, а магически, будто в нём спала огромная сила, готовая проснуться. К амулету прилагалась записка, сложенная вчетверо: «Тебе и твоим людям. Пусть бережёт вас. Эдвин». Почерк — быстрый, но разборчивый, с нажимом — выдавал уверенного в себе человека, который привык, чтобы его слова исполнялись.

— Красивая вещь, — заметила Ольгерра, заглядывая мне через плечо. Её волчьи глаза прищурились, а ноздри раздулись — она чуяла магию, древнюю, сильную. — Оберег от Тьмы. Хороший. Сделан мастерами из самой столицы, не иначе.

— Повешу на дверь, — решила я, сжимая амулет в кулаке. Металл был тёплым, почти живым. — Пусть охраняет.

Телеги разгружали до темноты. Сначала светило солнце, отбрасывая длинные тени, потом опустились сумерки, и пришлось зажигать факелы и масляные лампы. Гномы таскали ящики — по двое, по трое, легко, будто те ничего не весили. Я слышала их ворчание: «Эти гвозди — наше», «Инструмент — в мастерскую, быстро!» — но в этом ворчании сквозила довольная деловитость. Обратни — мешки, перекинув через плечо, не напрягаясь, хотя каждый мешок весил под два пуда. Эльфийки — свёртки с тканью и одеялами. Тихоня и Рута уже прикидывали, куда что положить — они стояли у дверей кладовой, держа в руках список и кусок угля, и же-

стикулировали, споря о лучшем расположении мешков.

— Теперь мы богаты, — сказал Астор, вытирая пот со лба. На его рубаше проступили тёмные пятна, а волосы слиплись от влаги.

— Не богаты, — поправила я, оглядывая горы припасов. Внутри было тепло и спокойно, но голос оставался ровным. — Но сыты. Это главное.

Я не сказала вслух то, что думала: сытость — это только начало. За ней идёт уверенность, за уверенностью — сила. А сила нужна нам, чтобы выстоять. Но сейчас, в этот момент, когда люди суетились вокруг телег, а воздух пах мукой и старым деревом, я позволила себе просто порадоваться.

Ночью, когда все улеглись, я вышла на крыльцо. Дом затих — только изредка скрипела половица под чьей-то невидимой ступнёй, да где-то в дальней комнате кашлянул во сне кто-то из гномов. Я накинула на плечи тёплый плащ — ночи были ещё прохладными, несмотря на лето — и села на ступеньку. Дерево было сыроватым от росы, но я не обратила внимания. Звёзды мерцали ярко — они казались особенно крупными и близкими после того, как погасли последние огни в окнах. Где-то далеко, за лесом, слышался лай — волки? Или просто ночной ветер играл с моим воображением? Лес за опушкой стоял тихий, задумчивый — ни шороха, ни крика, только мерное дыхание миллионов листьев, сливающееся в единый, едва уловимый гул. И где-то в его глубине снова мелькнул знакомый свет — не тот, что от костра, и не

тот, что от магии, а какой-то другой, первородный, древний. Может, лесной народ зажигал свои огни, может, светились глаза ночных духов, а может, это просто гнилушки тлели во влажной земле. Но мне хотелось верить, что это знак — что они не ушли, что они рядом, что они помнят своё обещание.

Или показалось?

Я сидела на крыльце, глядя на звёзды, и думала. Думала о том, как быстро изменилась наша жизнь за последние дни. Ещё недавно мы были кучкой изгоев, прячущихся в лесу от имперских патрулей. А теперь — союзники столицы, принимающие помощь, строящие оборону. К нам идут беженцы, лесной народ кланяется, Эдвин присылает амулеты и обозы. Словно пророчество, о котором шептались старухи у костров, вдруг стало явью. Но где-то глубоко внутри, под слоем благодарности и радости, шевелился червячок тревоги. Чем больше у нас людей, чем больше припасов, тем больше и зависти, и врагов. Тьма не спит — лесной страж сам это подтвердил. Она ждёт. И когда мы будем казаться себе сильными и непобедимыми, она ударит.

Я вздохнула, поднялась — ноги затекли от долгого сидения — и вернулась в дом. Скинула плащ на лавку, разулась. Прошла по коридору мимо комнаты, где спала Лина — девочка что-то бормотала во сне, раскинув руки. Улыбнулась. Закрыла дверь к себе, легла и закрыла глаза. Сладкая истома разливалась по телу, веки тяжелели. Завтра будет новый день. Новые заботы, новые дела, может быть, новые вести.

Но это — завтра.

Я представила, как солнце снова встаёт над лесом, как звонят топоры гномов, как эльфийки развешивают травы, как ворота открываются навстречу тем, кто идёт к нам. И мы встретим его — завтрашний день — вместе. Все, кто здесь. Все, кто верит. И даже те, кто пока в пути. Завтра будет новый день.

После первого обоза от кронпринца вести о скорой войне разлетелись быстро. Я не знала, кто их разносил — может, лесные духи, чьи голоса сливались с шелестом листвы; может, птицы, которые летают быстрее любой молвы; может, просто слухи, которые всегда бегут впереди событий, обгоняя даже самых быстрых гонцов. Но на следующий день на дороге, ещё хранившей в пыли следы вчерашних колёс, показались первые беженцы.

Я стояла у ворот и смотрела, как они приближаются — медленно, сбивая ноги, будто каждый шаг давался им с трудом. Утреннее солнце висело низко, и длинные тени тянулись от них к нам, как молчаливые мольбы. Их было немного — семья орков с двумя детьми, старый эльф, опиравшийся на посох, несколько оборотней с котомками за плечами. Они шли пешком — лошадей у них не было, только стёртые подошвы да надежда. Одежда на них висела мешками, запылённая, местами порванная, лица осунулись от голода и долгой дороги, но в глазах — во всех, даже у самого маленького орчонка, который держался за материнскую юбку, — горел

огонь. Не тот, что сжигает, а тот, что согревает. Огонь жизни.

— Хозяйка, — сказал старший орк, низко кланяясь так, что его могучие плечи затряслись. Кожа его была серо-зелёной, покрыта шрамами старых битв, но в голосе — совсем не воинственном, даже робком — я услышала усталость человека, который слишком долго бежал. — Слышали, ты даёшь приют. Пусти.

— Пустим, — ответила я, и в голосе моём не дрогнуло ни единой ноты. Хотя внутри всё сжалось — от жалости, от ответственности, от странной гордости за то, что место, которое мы построили среди лесов и болот, стало для кого-то маяком.

Их разместили возле старой ограды, где ещё не было домов — только голое поле, поросшее жёсткой травой и щавелем. Но гномы быстро взялись за дело: я слышала, как звенели их топоры и молотки, и уже к вечеру сколоченные навесы защищали беженцев от ночной прохлады. Эльза накормила — вынесла большую миску с кашей, краюху хлеба, кружку молока для детей. Я увидела, как маленький орчонок сначала недоверчиво понюхал ложку, а потом набросился на еду так, что за ушами затрещало. Ильмина осмотрела детей — они были здоровы, только истощены. Летиция принесла травы для усталых ног, настой от ломоты в костях и мазь, чтобы стереть мозоли. Старый эльф, чьи глаза цвета весенней листвы смотрели из-под капюшона, тихо сказал мне: «Благослови тебя лес, Хозяйка» — и в этих словах было больше

магии, чем в иных заклинаниях.

А на следующий день подъехала телега с двумя гномами, парой эльфиек и тремя орчихами. Телега была старой, скрипела на каждом ухабе, и её подпрыгивающие борта грозили рассыпаться прямо на ходу, но лошадка — тощая, но упрямая — тащила её из последних сил. А потом — ещё одна. И ещё. Поток не иссякал.

Люди шли отовсюду. Из лесов — таких же дремучих, как наш, где они прятались в землянках и дуплах, питаясь кореньями и случайной дичью. Из пещер — глубоких, сырых, где годами жили семьи гномов, отрезанные от мира. Из старых развалин — замков, брошенных деревень, крепостей, которые помнили лучшие времена. Те, кто прятался годами, кто потерял надежду и вдруг обрёл её снова, когда пророчество о Хозяйке леса разнеслось по Покинутым землям. Кто-то приезжал верхом на тощих лошадях, чьи рёбра можно было пересчитать сквозь шкуру. Кто-то — в телегах, гружённых скудным скарбом: старыми горшками, ржавыми инструментами, тряпичными свёртками, в которых лежали последние семейные реликвии. Кто-то приходил пешком, опираясь на палки, которые сами себе срезали в лесу, ведя за руки детей и стариков. У каждого была своя история боли, но всех их объединяло одно — они пришли к нам.

Усадьба не вмещала всех. Вскоре стало ясно, что спать вповалку в коридорах и на чердаке — не выход. Наши комнаты, и без того тесные, превратились в муравейник. Я вы-

ходила на крыльцо и видела, как люди сидят прямо на траве, прислонившись спинами к стенам, как спорят из-за места в тени, как плачут дети от усталости. Мы быстро поняли, что нужно расширяться.

— Ставим лагерь, — сказал Астор. Он стоял, скрестив руки на груди, и окидывал взглядом поляну за мастерской. — За мастерской, на поляне. Там сухо, место ровное, вода рядом — ручей тот самый, что течёт к огородам.

Я кивнула. Мысль была дельной, и у меня не было ни желания, ни права её оспаривать.

Гномы взялись за работу сразу же, едва рассвело. Я видела, как они размечают участки: один гном вбивал колышки, другой натягивал верёвку, третий проверял уровнем, чтобы площадка была строго горизонтальной. Они работали молча, сосредоточенно — только редкие возгласы, когда нужно было подвинуть бревно или поправить разметку. Лукас, наш вампир-кузнец, ковал крепления для палаток — я слышала звон его молота из кузницы, и этот звук стал таким же привычным, как птичье пение. Обратни таскали брёвна из леса — по два, по три, перекинув через плечо, не напрягаясь, хотя брёвна были толще моей руки. Орки — те, что пришли первыми, уже отдохнувшие и набравшиеся сил, — таскали камни для очагов, складывая их ровными кругами. Эльфийки разбивали маленькие садики — втыкали черенки, рассыпали семена, что-то шептали земле, чтобы та быстрее приняла новую жизнь. Я заметила, как Летиция с эльфийками

рассаживала вокруг будущих палаток выюнок и календулу — чтобы лагерь не выглядел казармой, чтобы люди видели цветы и помнили, ради чего они всё это затеяли.

К концу недели на поляне вырос настоящий городок. Палатки — из плотной брезентовой ткани, которую нам привёз второй обоз, — стояли ровными рядами. Между ними оставили широкие проходы, чтобы можно было проехать с телегой. Шалаши из жердей и лапника, которые смастерили лесные жители, прятались среди деревьев на опушке. Навесы, крытые соломой и берестой, укрывали общие очаги и мастерские. Всё — аккуратное, добротное, с любовью. Я видела, как одна орчиха вышивает на пологе палатки какой-то древний узор — яркий, замысловатый, будто она хотела принести в это суровое место кусочек дома. Появились общие очаги — три больших каменных круга, где круглые сутки тлели угли, готовые принять новый хворост. Вырыли колодец — гномы нашли жилу на третий день и так радовались, что их ворчание сменилось громким горловым пением. Даже небольшую баню сложили — по инициативе Эльзы, которая вздыхала, что «люди ходят грязнее свиней».

И обозы от кронпринца приходили регулярно. Каждые два-три дня на дороге появлялись телеги — сначала их было две, потом три, потом пять. Возницы уже не боялись сворачивать к нам с большой дороги, а маги сопровождения лениво переговаривались с нашими часовыми. Они везли провизию — мешки, бочки, корзины, — инструменты, оружие,

тёплую одежду. Я заметила, что с каждым разом груз становился разнообразнее: сначала только самое необходимое, потом — ткани, иголки, нитки, потом — книги и бумага, потом — даже детские игрушки, деревянные лошадки и куклы. Кто-то в столице знал, что в лагере есть дети. Маги, прибывавшие с обозами, проверяли защиту — ходили вдоль границ, водили руками, шептали заклинания, поправляя то, что истончилось за время их отсутствия. Воины проверяли оружие — таскали мечи из арсенала, взвешивали, пробовали на баланс, точили.

— Его высочество щедр, — заметила Ольгерра, когда привезли очередную партию муки и крупы. Мы стояли у ворот, и я видела, как её волчьи глаза скользят по мешкам, по клеймам на ящиках — по имперским символам, которые когда-то были для нас символом угнетения.

— Ему нужен сильный союзник, — ответила я, — но я верю, что не только поэтому.

Я думала об Эдвине, о его долгом тёплом взгляде на башне, о записке «Тебе и твоим людям». В его щедрости было нечто большее, чем политический расчёт. Или мне просто хотелось так думать.

В лагере кипела жизнь. Дети бегали между палатками — маленькие орки, чья кожа ещё не приобрела взрослую грубость, эльфийские ребяташки с острыми ушками и огромными глазами, человеческие детдомовцы, которые прибились к нам ещё зимой. Они играли в догонялки, строили из

палок шалаша, спорили на смеси языков, уже начиная понимать друг друга без перевода. Женщины занимались хозяйством — стирали, готовили, штопали. Мужчины строили, ремонтировали, тренировались. По вечерам у костров пели песни — оркские, низкие, горловые, заставляющие землю дрожать; эльфийские, высокие, серебристые, похожие на звон ручьёв; человеческие, простые, иногда грустные, иногда задорные; гномьи, в которых слышен был звон металла и гул пещер. Разные языки, разные мелодии, но все — о надежде. Я сидела у своего любимого костра — того, что ближе к дому, — и слушала старую эльфийку, которая тянула песню на языке, забытом даже в столице.

Однажды вечером я сидела у другого костра — самого большого, общего, — и слушала, как старый эльф (тот самый, что пришёл с первыми беженцами, опираясь на посох) рассказывал молодёжи о древних битвах. Голос его был тих, но внятен — он словно ткал полотно из слов, на котором оживали герои и чудовища давно минувших эпох. Рядом примостилась группа орков — молодые воины, только начинавшие отращивать свои первые шрамы, — которые внимали каждому слову с раскрытыми ртами. Они не враждовали, не спорили — просто слушали. Немыслимое единение ещё несколько лет назад, когда империя стравливала расы между собой, — теперь обыденность. Я смотрела на эти лица, освещённые пламенем, и думала о том, что, может быть, именно в этом и состоит наша сила. Не в амулетах, не в магии

барьеров, а в том, что мы — разные — научились сидеть у одного костра.

— Хозяйка, — ко мне подошла Ирэн. Она несла в руках стопку книг — тех самых, что мы разбирали в библиотеке. В сумерках её лицо казалось бледным, а глаза — слишком серьёзными для её молодости. — Я тут подумала... детям нужно учиться. Их много, и все разные. — Она кивнула в сторону палаток, откуда доносился детский гомон. — Может, открыть школу?

— Дело говоришь, — ответила я, почувствовав, как внутри разливается тепло от этой простой, такой правильной мысли. — Ищи помещение.

Ирэн нашла. Возле старой ограды, где когда-то были амбары — ещё с тех времён, когда усадьба принадлежала торговцам. Помещение было холодным, с земляным полом и дырявой крышей, но гномы перестроили его за три дня: залатали крышу, настелили деревянный пол, вставили новые оконные рамы. Эльфийки украсили цветами — поставили горшки с яркими бутонами на подоконники, повесили гирлянды из сухих трав. Обратни сколотили парты и стулья — грубые, но прочные, на совесть. И теперь каждое утро в школе раздавались голоса — учительница Ирэн обучала малышей грамоте, счёту и истории Покинутых земель. Я иногда заглядывала туда, слушала, как она втолковывает орчонку разницу между буквами «и» и «й», как эльфийская девочка тянет руку, чтобы ответить, как гномий мальчик сосредо-

точно складывает палочки на счётах. В такие моменты верилось, что будущее всё-таки есть.

А припасы всё прибывали. Обозы от кронпринца приходили с завидной регулярностью — как по расписанию, словно в столице кто-то завёл для нас отдельный календарь. Вскоре у нас были не только продукты и инструменты, но и целый арсенал: мечи — лёгкие, эльфийской работы, и тяжёлые, гномьи, для рубящих ударов; копья с закалёнными наконечниками; луки — длинные, почти в рост человека, и короткие, для верховой стрельбы; даже несколько магических амулетов, которые мерцали в темноте и, говорят, могли на миг ослепить нежить. Оружие сложили в отдельном сарае, под замком, и Астор лично проверял его каждое утро.

— Скоро нежить сунется, — сказал Лукас. Он стоял у кузницы, вытирая руки промасленной тряпкой, и его вампирские глаза в сумерках светились алым. Но в этом свечении не было угрозы — только холодная, спокойная готовность. — Мы готовы.

Я стояла на крыльце, глядя на лагерь, где копошились люди. Огоньки костров, чёрные силуэты палаток, редкие крики ночных птиц. И думала о том, как всё изменилось за несколько месяцев. Из ниоткуда, из пустоты, из кучки изгоев, прячущихся по лесам, вырос настоящий город. Город изгоев, беглецов, отверженных — тех, от кого отказалась империя, кого сторонились соседи. И все они вдруг стали одной семьёй. У них была общая боль, общая надежда и общая Хозяйка.

Сердце сжималось от тяжести этой ответственности, но вместе с тем наполнялось чем-то светлым, почти незнакомым. Гордостью? Нет, не гордостью. Чем-то больше похожим на любовь.

— Хозяйка, — раздался голос Летиции. Она вышла из-за дуба — того самого, что рос у ворот, — и её лицо в свете луны казалось вырезанным из слоновой кости. В глазах, обычно ясных, как небо после дождя, светилась тревога. Она прижала ладонь к груди и посмотрела в сторону леса, где между стволов сгушалась темнота. — Лес говорит, Тьма просыпается. Она чувствует, что мы стали сильны. Она готовит удар.

Ветер донёс запах полыни и сырой коры. Где-то в глубине чащи хрустнула ветка — или показалось. Я положила руку на амулет, который повесила на косяк входной двери, и почувствовала, как золото отозвалось едва уловимым теплом.

— Пусть готовит, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем моё сердце. — Мы тоже готовы.

Лес шумел. Листья шелестели, ветки скрипели, и где-то в этом шуме мне слышалось дыхание лесного народа — наших верных, которые спали или бодрствовали среди стволов, готовые подняться по первому зову. В шуме не было угрозы. Только предупреждение. Только эхо древней клятвы. И вера в то, что мы справимся. Вместе.

Глава 3

Первую атаку нежити мы ждали, но не знали, когда она придёт. Каждое утро начиналось с одного и того же: я выходила на крыльцо, щурилась на солнце и прислушивалась к лесу. Тишина или шум? Птицы поют или молчат? Лесной народ предупреждал, но не называл срока. Тьма просыпалась где-то в глубине леса — я чувствовала это по тому, как золото в груди начинало пульсировать чаще, тревожнее, словно маленькое сердце, почуявшее хищника. Она накапливала силы, выбирала момент. И однажды утром, когда солнце только поднялось над деревьями, а лагерь ещё просыпался — где-то кашлянули, зазвенел котелок, дети заспорили у палатки, — Летиция резко обернулась к лесу. Её лицо, обычно спокойное, как гладь лесного озера, исказилось — глаза расширились, ноздри раздулись, будто она учуяла запах горелой плоти.

— Идут, — сказала она, и голос её, обычно певучий, прозвучал глухо, как удар колокола.

Я бросила взгляд на опушку. Между стволами, в утреннем тумане, который ещё не рассеялся, замелькали тени. Быстрые, низкие, серые — шартаки. Несколько волколаков — крупнее, массивнее, с горящими глазами. И что-то большое и лохматое в глубине, что двигалось медленнее, но от каждого его шага, казалось, вздрагивала земля. Они не скрывались

— их было слишком много для разведки, и они шли открыто, целеустремлённо, прямо к нашей границе. Я почувствовала, как кровь отлила от лица, но руки не дрогнули.

— Тревога, — спокойно сказал Мартен, проверяя лук. Он стоял у ворот, в лёгком стёганом доспехе, и его пальцы привычно ощупывали тетиву — натянут, не перетянут. В его голосе не было ни страха, ни бравады, только деловая собранность человека, который делал это сотни раз.

В лагере никто не паниковал. Мы готовились. Я слышала, как хлопают пологи палаток, как звенят мечи, выхваченные из ножен, как маги — двое из столицы и трое наших — затягивают первые строки защитных заклинаний. Бойцы заняли позиции у забора — того самого, который мы укрепили после совета: частокол из заострённых брёвен, усиленный магией. Маги подняли защитные барьеры — я увидела, как воздух над границей начал мерцать, как марево в жаркий день. Лучники встали на вышки, которые построили гномы — высокие, устойчивые, с зубчатыми краями, чтобы можно было стрелять, не боясь ответного удара. Лица у всех были спокойные, деловитые, будто не бой предстоял, а обычная работа — лес валить или поле пахать.

Первыми наткнулись на барьер шартаки. Они вылетели из леса — серые, сгорбленные твари с длинными когтями и пустыми глазницами, из которых струился чёрный дым. Их было не меньше двух десятков. Они врезались в невидимую стену — воздух полыхнул голубоватым светом, послышался

треск, будто рвётся плотная ткань, — взвизгнули, отлетели, кубарем покатались по земле, оставляя на траве тёмные маслянистые пятна. Но быстро поднялись, тряхнули головами и полезли снова — упрямо, глупо, как мотыльки на пламя. Ольгерра, управлявшая защитой, стояла чуть поодаль, вытянув руки вперёд. Её лицо было напряжённым, на лбу выступили капли пота, но она держалась ровно.

— Держит, — сказала она сквозь зубы. — Но недолго. Наваливаются.

Я стояла у крыльца, не вмешиваясь. Кулаки сжались так, что ногти впились в ладони. Моя сила была нужна на случай прорыва — золотой амулет на груди тяжелел, пульсировал в такт сердцу, — а пока справлялись свои. Я переводила взгляд с барьера на лес, с леса на бойцов, и внутри меня боролись два чувства: желание броситься в самую гущу и понимание, что я должна беречь себя для главного.

Лучники открыли огонь. Мартен поднял руку, резко опустил — и первая стрела ушла в цель. Стрелы летели метко, без суеты — по команде, залпами. Три вышки били почти одновременно, и воздух наполнился свистом и глухими ударами наконечников о мертвую плоть. Шартаки падали — кто с пробитым черепом, кто с перебитым хребтом, — но на их место из леса уже выбегали новые. Их было слишком много. Волколаки — покрупнее и страшнее, с горящими зеленоватым светом глазами и пастями, полными гнилых клыков, — рвались к барьеру. Они врезались в него с разбега, и каждый

удар сопровождался глухим гулом, от которого у меня ныли зубы. Они откатывались, оставляя на невидимой стене тёмные, пульсирующие пятна магии — следы тлена, разъедающего защиту.

— Первая линия, вперёд! — скомандовал Мартен. Его голос перекрыл и свист стрел, и вой тварей.

Мечи, топоры, копыя — всё пошло в ход. Гномы рубились молотами — тяжёлые, окованные железом колотушки сносили шартакам головы, разбрызгивая чёрную, дурно пахнущую жижу. Орки сдерживали волколаков — я видела, как один орк, здоровенный, с татуировками на лысом черепе, встретил зверя копьём в грудь и, не вынимая оружия, добил топором. Оборотни — в промежуточной форме, ещё не полностью звериной, но уже с когтями и клыками — рвали шартаков так, что клочья серой шкуры летели в разные стороны. Нежить, казалось, не ожидала такого отпора. Я заметила, как один шартак замер на мгновение, поворачивая пустую голову к своим, будто спрашивая, что делать. Потом их ряды заколебались, начали отступать — сначала медленно, потом быстрее, почти бегом, к опушке.

Но удар пришёл с другой стороны.

Я заметила его краем глаза — движение с фланга, где барьер заканчивался у старого оврага, который мы не успели укрепить. Та самая большая тварь — что-то серое, с длинными когтями, с тремя парами лап и пастью, из которой капала зелёная слизь, — обошла защиту. Она двигалась быст-

ро, несмотря на размеры, и врезалась в лагерь сбоку, где не было ни бойцов, ни барьера, только полевые кухни и штабеля дров. Я услышала, как закричали женщины — не от боли, от неожиданности, — и увидела, как тварь сбила с ног одного из помощников повара.

Её встретили Иррига и Лукас. Горгулья — серая, крылатая, с каменной кожей и когтистыми лапами — взлетела с земли, врезалась в морду твари, отвлекая её на себя. Я видела, как когти Ирриги оставляют глубокие борозды на серой шкуре. Вампир-кузнец рубанул мечом — длинным, двуручным, выкованным им самим для таких случаев. Лезвие вошло в бок твари, но недостаточно глубоко — она взревела, откатилась, но успела зацепить нескольких когтями. Я увидела, как двое мужчин и одна женщина — они стояли слиш-ком близко, пытаясь оттащить раненого повара — полетели на землю, обливаясь кровью.

— Раненые! — крикнул кто-то, и этот крик перекрыл даже общий шум боя.

Их было трое. Я бросилась к ним, но Ильмина опередила меня — лекарь-полукровка уже бежала с корзиной трав и бинтов, за ней — Мириам, её помощница, с флягой воды и чистыми тряпками. Я остановилась, заставила себя не вмешиваться. Моё дело — не перевязки.

Тварь добила быстро. Иррига схватила её за загривок, прижала к земле, а Лукас нанёс удар — точный, в основание черепа. Тварь дёрнулась, взвыла — звук был похож на

скрежет ржавых петель — и затихла, расплываясь в чёрную лужу. Ещё несколько минут — и последние шартаки, поняв, что жоака больше нет, скрылись в лесу. Я смотрела, как они исчезают между стволов — серые тени, тающие в утреннем тумане. Они оставили после себя десяток тел — чёрные, скрюченные, источающие запах тлена, который смешивался с утренней свежестью, создавая невыносимое зловоние. И наступила тишина. Только тяжелое дыхание бойцов, звон убираемого оружия да редкие стоны раненых.

Бой закончился.

Мы пересчитали раненых. Четверо — трое лёгких: царапины, ушибы, один вывихнул плечо, когда падал; один с переломом ноги — того самого повара, которого сбила тварь. Но тоже не страшно, Ильмина сказала, что через месяц будет как новый. Потери были минимальными — никто не погиб, никто не потерял конечность. А нежить отступила, оставив на поле битвы почти три десятка тел. Я стояла на крыльце, чувствуя, как дрожат колени, и пыталась осознать: это была только первая атака. Разведка боем. Настоящее впереди.

— Хорошо, — сказал Астор, вытирая топор. Он нашёл пучок сухой травы и методично, сосредоточенно счищал с лезвия чёрные пятна. — Поучительный бой. Теперь знаем, с чем имеем дело. Слабые места увидели — овраг прикроем завтра же. Сильные — тоже.

Лагерь быстро вернулся к привычному ритму. Раненых перевязали — Ильмина работала молча, сосредоточенно, её

тонкие пальцы ловко накладывали швы на рваные раны, а Мириам подавала бинты, травяные настои и тихо успокаивала тех, кто стонал от боли. Их уложили в лазарет — отдельную палатку из плотной парусины, которую поставили в тени старого дуба. Внутри пахло йодом, кровью и горькими травами — Летиция принесла свежий сбор, чтобы раны не гноились. Запах этот был тяжёлым, но не пугающим — пахло работой, жизнью.

Остальные чистили оружие. Я слышала скрежет точильных камней и тихое позвякивание металла — кто-то правил лезвие ножа, кто-то проверял, не зазубрился ли меч после ударов о кости нежити. Гномы сидели в кружок, передавая друг другу молотки и напильники, и деловито обсуждали, какой клинок лучше держит заточку против тленовой плоти. Оборотни в стороне смазывали кожу доспехов жиром — их лица были сосредоточенными, без обычной лёгкой насмешки. Разбирали завалы: несколько палаток пришлось снять и переставить заново — там, где тварь прорвалась, колья были вырваны с корнем, а брезент порван. Эльфийки уже штопали дыры, их иглы мелькали так быстро, что я едва успевала следить. Восстанавливали барьер — Ольгерра вместе с магами ходила вдоль границы, останавливаясь на самых слабых участках. Я видела, как она вытягивает руки, как воздух перед ней начинает мерцать и переливаться, словно затягивая рану.

Я ходила между ними, слушала обрывки разговоров,

смотрела на лица — усталые, но не напуганные. На лбу у одного гнома красовалась свежая ссадина, у другого боец перевязывал пальцы — порезался о собственный меч в горячке. Но никто не жаловался. Они знали, на что шли, и были готовы. В глазах молодого орка, который впервые держал оборону, я прочла что-то новое — не страх, а уверенность. Бой обжигает, но он же и закаляет. Я чувствовала, как эта общая усталость и общая решимость сшивают нас в единое целое крепче любых клятв.

— Хозяйка, — ко мне подошла Ольгерра. На её лице блеснул пот, а платье на плечах потемнело от влаги. Она держалась прямо, но я заметила, как слегка дрожит её левая рука — магическое истощение давало о себе знать. — Нужно усилить левый фланг. Там барьер слабее. Та тварь прорвалась именно потому, что мы оставили тот участок без прикрытия. Я поставлю там дополнительный контур, но нужны будут ещё два мага на подхвате.

— Займись, — ответила я. В голосе моём прозвучала твёрдость, которой я сама от себя не ожидала. — Бери столчных, если надо, скажи им, что это мой приказ.

Она кивнула и ушла, быстрым шагом направляясь к палатке, где отдыхали маги.

В лагере звучали голоса, смех — даже после боя. Кто-то шутил, кто-то рассказывал, как увернулся от когтей, едва не потеряв ухо. Гномы уже спорили о том, чей молот нанёс самый сокрушительный удар. Орки вспоминали, как гнали

волколаков обратно к лесу. Жизнь продолжалась — упрямо, громко, вопреки всему. Я стояла на крыльце, глядя на лес. Тьма затаилась, но не ушла. Я чувствовала это по тому, как золото в груди продолжало пульсировать тревожным, неровным ритмом, как где-то за опушкой сгущались тени даже в полдень. Она ждала. И мы ждали. Но теперь знали, что можем дать отпор. Это знание лежало на плечах тяжёлым, но не давящим грузом — скорее, как хорошо подогнанная кольчуга.

— Хозяйка, — ко мне подбежала Лина. Её косички растрепались, на щеке красовалась полоса грязи, а в глазах — тревога, которую она пыталась спрятать за деловитостью. — А вас не ранили?

— Нет, маленькая, — я присела на корточки, чтобы быть с ней на одном уровне, и погладила её по голове. Волосы у неё были мягкими, пахли дымом и ромашкой. — Всё хорошо. Я же хозяйка, меня берегут.

Она кивнула — серьёзно, по-взрослому — и, убедившись, что я цела, убежала помогать матери. Я смотрела ей вслед, и сердце сжималось от нежности и страха одновременно. Сколько ещё таких детей увидят бой? Сколько из них запомнят этот день на всю жизнь?

К вечеру лагерь затих. Солнце село за лес, оставив на небе багряные разводы — будто сама земля истекала кровью. Но кровь эта была не нашей. Горели костры — три больших общих очага и множество маленьких, у палаток. Огонь трещал,

разбрасывая искры, и в этом свете лица казались мягче, добрее. Пахло травяным чаем — Эльза заварила большой котелок с мятой и душицей, чтобы люди успокоились после боя, — и свежим хлебом, который только что вынули из печи. Аромат был такой домашний, такой мирный, что на миг мне показалось, будто никакой войны и не было. Раненые спали — их палатка стояла чуть поодаль, и оттуда доносилось ровное дыхание и редкие стоны, которые тут же затихали под чьим-то успокаивающим шёпотом. Остальные отдыхали: кто сидел у костра, положив голову на колени соседу, кто уже забрался в палатку, кто тихо переговаривался, глядя на звёзды.

Я отправила вестника Эдвину.

На следующий день после нашего боя пришла весть от Эдвина. Я сидела за столом в большой комнате, пила травяной чай и просматривала список того, что нужно восстановить после атаки, когда за окном вспыхнул знакомый свет. Магвестник — на этот раз быстрый, похожий на стрижа — появился из ниоткуда, пронёсся над двором и спикировал к крыльцу. Он рассыпался в воздухе с тихим хлопком, похожим на вздох, оставив в моих руках тёплый, чуть светящийся кристалл. Янтарного цвета, гладкий, как морская галька, — я сжала его в ладони, и он отозвался мягкой вибрацией. В голове зазвучал голос кронпринца — усталый, но спокойный, с той же лёгкой хрипотцой, что и всегда после бессонной ночи.

— Арина, у нас тоже было нападение. Ночью, с северной

стороны, у самой границы. Нежить шла волнами, но мы отбились. Раненые есть, но без потерь. Ваша защита помогла: те амулеты, что ты передала, сработали отлично. Держитесь. Скоро пришлю следующий обоз. Эдвин.

Кристалл потух, став прозрачным, как обычный камешек. Я опустила руку, всё ещё ощущая на ладони остаточное тепло. Ольгерра, стоявшая рядом и бесшумно перебиравшая травы в пучке, вопросительно подняла бровь.

— У них тоже бой, — сказала я, и голос мой прозвучал глухо — сказанулась ночная тревога, которую я старалась не показывать. — Отбились. Все живы.

Ольгерра молчала несколько мгновений, потом её лицо разгладилось — она умела ждать, зная, что лучшие новости приходят не сразу.

— Это хорошая весть, — ответила она просто, и в этой простоте было больше тепла, чем в долгих речах.

Вечером, за общим ужином, я рассказала всем. Мы сидели у большого костра — тесным кругом, плечом к плечу. Гномы, обросшие и суровые, кивнули, услышав, что их амулеты сработали — в их глазах вспыхнула гордость, и один из них, самый старый, негромко стукнул кружкой о кружку соседа. Эльфийки переглянулись — их лица осветились облегчением: значит, не только лес, но и камень держит удар. Обратни облегчённо выдохнули — плечи их опустились, и впервые за день я увидела, как они расслабились, отпустив напряжение.

— Значит, не мы одни, — сказал Астор.

— Не одни, — подтвердила я, и в этом коротком слове прозвучало больше уверенности, чем во всех наших укреплениях вместе взятых.

В лагере стало чуть спокойнее. Я заметила, как люди начали улыбаться — тихо, краешками губ, но улыбаться. Разговоры стали громче, в них появились нотки надежды. Все знали — у нас есть союзник, который тоже держит удар. И мы не дадим Тьме пройти. Это чувство плеча, поддержки с другой стороны фронта, было дороже любой магии.

— Хозяйка, — тихо спросила Лина, прижимаясь ко мне. Она забралась на ступеньку крыльца, где я сидела, положила голову мне на колени и смотрела вверх, на звёзды. Её голос был тихим, как шорох мыши. — А война скоро кончится?

Я не знала ответа. В глубине души я боялась, что она только начинается. Но я смотрела на эту маленькую девочку, которая уже видела бой, которая помогала матери перевязывать раненых, и понимала, что не имею права сеять страх.

— Когда мы победим, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — И мы победим.

Я сказала это не потому, что была уверена. Я сказала это потому, что должна была сказать. И в тот миг, когда слова сорвались с губ, я почти поверила в них сама.

Девочка кивнула — серьёзно, по-взрослому — и, легко спрыгнув со ступеньки, убежала играть. Я слышала, как она зовёт других детей, как они смеются, гоняясь друг за дру-

гом между палатками. Детский смех — лучшее лекарство от страха.

Лес за опушкой шумел, но спокойно, привычно. Не тем тревожным шёпотом, что был перед атакой, а ровным, убаюкивающим гудом. Где-то ухнула сова, где-то залаяла лиса — обычные ночные звуки, которые я научилась различать. Звёзды мерцали, и где-то в глубине, между стволами, светились огоньки — те, что я замечала всё чаще. Не блуждающие, не случайные. Ровные, золотистые, похожие на маленькие костры. Лесной народ тоже готовился. Они ждали своего часа, и это вселяло надежду. Я сидела на крыльце, прижимая к груди опустевший кристалл от Эдвина, и думала о том, что мы не одни. Никогда не были одни. Просто раньше не умели смотреть в нужную сторону.

Лес шумел. Звёзды светили. И я верила — завтра будет новый день. И мы встретим его вместе.

Глава 4

То утро выдалось пасмурным, но сухим. Низкие серые облака тяжёлым пологом нависали над лесом, приглушая краски и заставляя мир казаться выцветшим, старым. Ветра почти не было, и запахи задерживались: дым от утренних костров, прелая листва, травяной отвар из кухонной палатки. Роса на траве всё никак не просыхала, и сапоги противно хлюпали, когда я шла к дому. Мы только позавтракали — кашей с вяленным мясом и мятным чаем, сидя на лавках под навесом, — когда над усадьбой вспыхнул знакомый голубоватый свет.

На этот раз магвестник был большим, медленным, похожим на сову. Он появился из ниоткуда — сгусток магии, сотканный из лунного света и утренней дымки, — и повис в воздухе, тяжело взмахивая полупрозрачными крыльями. Я сразу поняла: видимо, в послании было что-то важное, раз Эдвин послал такую массивную птицу. Обычные вестники-ласточки летали быстрее и незаметнее, но этот — грузный, неторопливый, как гонец, везущий тяжёлую ношу. Я вышла на крыльцо, и птица, бесшумно спланировав вниз, рассыпалась в воздухе с тихим, печальным вздохом, оставив в моих руках увесистый свиток. Пергамент был плотным, дорогим, скреплённый сургучом с императорской печатью — двуглавым орлом, который в свете пасмурного утра казался

не золотым, а тёмно-медным, почти чёрным.

Я развернула пергамент. Эдвин писал коротко, без обычных тёплых слов, только дело, и этот торопливый, рубленый почерк резанул по сердцу сильнее, чем если бы Эдвин кричал. «Арина, мы нашли Врата. Те самые, откуда лезет нежить. Старая крепость в горах, на севере, за две недели пути от столицы. Маги говорят, чтобы их закрыть, нужна твоя сила — живая, природная. Моя древняя магия без неё не справится. Я открываю портал. Жду».

Я перечитала письмо дважды, впиваясь взглядом в каждую букву. Врата. Начало всей этой тьмы — то, о чём шептались древние пророчества, то, что искали маги столетиями. Если мы закроем их, нежить лишится источника, рассыплется в прах, потеряет связь с миром живых. Вся орда, все шартаки и волколаки, вся эта мерзость, что терзала Покинутые земли, — исчезнет. Но нужна была я. Моя сила. Не войско, не амулеты, не стены. Живая, природная магия, которая текла в моём золоте, которая связывала меня с лесом, с землёй, с корнями древних дубов. Сердце пропустило удар, потом забилось чаще.

— Ольгерра, — позвала я, и вампирша тут же оказалась рядом, словно ждала моего зова. Она заглянула мне через плечо, и я почувствовала, как её дыхание — холодное, почти незаметное — коснулось моей щеки. Она быстро прочитала письмо, и её бледное лицо, обычно непроницаемое, дрогнуло — где-то в уголках губ, в едва заметном напряжении скул.

— Это опасно, — сказала она тихо, и голос её звучал так, будто она взвешивала каждое слово на древних весах. — Но необходимо. Если Врата не закрыть, Тьма захлестнёт всё. И тогда никакие вышки и барьеры не помогут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.